

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
— ДУХ СОЗДАЮЩІЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

С О Д Е Р Ж А Н И Е:

- 1) Царь-голод.
- 2) По белу свету.
- 3) Прилив, — Волтерина Дэ-Клер.
- 4) Об организации, — — М. Корн.
- 5) Анархизм и политика, — Вид.
- 6) Свобода, — — — Н. Огарев.
- 7) Голод, невежество, страх...
- 8) Мысль, — — — — — Д.
- 9) Несколько мыслей о сущности
Анархизма, — П. Кропоткина.
- 10) Национализм и Интернационализм —
Автономов.
- 11) Рабочий и Государство, — М. Штирнер.
- 12) Свободная Трибуна:
 - а) Возражение на возражение, А. К.
- 13) Индивидуализм не Анархизм.
- 14) Корреспонденции:
 - а) Протест и воззвание, — Н. и К.
- 15) Отчеты и заявления

ЦАРЬ-ГОЛОД

“Хлеба, хлеба, хоть крошечку хлеба.” — слышится надрывающий душу вопль из сердца России. Ужасный бич человечества, голод — проклятый Царь-Голод, разинув огромную пасть и оскалив зубы, готов поглотить целые миллионы детей, женщин и мужчин. Испуганные, они бегут, слепо бегут во все стороны, но, увы! Царь-Голод везде, Царь-Голод повсюду.

Голод и холод были их уделом во все времена. Самодержавие и капитализм угнетали и нещадно эксплуатировали рабочих и крестьян; большевистское правительство также отвело им труд, рабский труд — “трудовую повинность,” и крохи со стола господ, последнюю низшую степень питания и жизни; а теперь и сама “Мачеха-Природа” ополчилась против них. “На бедного Макара все шишки валятся!”

Засуха — обычное явление в обезлесевших центральных губерниях России, но палящая засуха в Поволжье этим летом была из ряда вон. По сообщению, недавно выехавшего из России сотрудника журнала “Нешон,” Люиса Ганнетт: “В целом округе Царицына и в немецких колониях по Волге урожай будет меньше четверти нормального; Оренбурге и Тамбове, меньше половины; в Самаре, Саратове, Уральске и Курске, и в полдюжине других губерний, обычно богатейшей житнице России, — едва ли половина нормального.” Более 20-миллионов людей обречены на голодную смерть, если не подоспеет во-время помощь; гибнет скот от безкормья — падают люди от исто-

щения и бредут на запад к Москве и Украине, на восток к Сибири — прочь от пораженной голодом полосы.

Советское правительство, парализованное страхом голодных восстаний, снова показывает свое бессилие что-либо сделать для народа и вызывает, пером Максима Горького, к... правительствам капиталистических держав о помощи. А потом через третий интернационал обращается к рабочим всех стран, и, опасаясь козней “спасителей,” вызывает к пролетариату всего мира — не дать возможности их правительствам осуществить намеченные контр-революционные затеи.

“Рабоче-крестьянское” правительство России все далее и более отходит от задач Социальной Революции, — Мирровой Революции; оно ищет поддержки и помощи у своих собратьев “по делу” и по существу, у правительств Европы и Америки.

Рабочие и крестьяне, вы все трудящиеся! идите на помощь революционному пролетариату России, не дайте заглухнуть революционному духу народных масс, который пробуждает и в вас дух протеста, желание борьбы против мук и страданий, на которые вы осуждены в настоящем строе; идите на помощь бедным несчастным детям и матерям. Не обращайтесь к правительствам, помогайте не через правительства — их жалость, их сочувствие гадюки, изыскивающей случая смертельно ужалить Русскую Революцию, нам понятны и ненавистны — а непосредственно через свои рабочие комитеты на местах,

рабочим и крестьянским комитетам в России. Не создавайте центральных комитетов, дабы не повторилась грязная история с медицинской помощью. **Самодетельность и взаимная помощь, пусть будут нашими лозунгами в годину бедствий.**

“Правительство есть правительство.” Оно как удав прилаживается своим телом к жертве и, все сильнее и больше, сжимает ее в своих мускулистых кольцах. “Перемена политики большевистского правительства” — трубят и социалистические, и капиталистические газеты, и, удивительное дело, они правы, вполне правы на сей раз: произошла перемена “политики,” и только политики, но ничего более. Вместо политики “палочной дисциплины” — политика самого низкого развращающего обмана трудящегося населения, вместо игнорирования в “кошки и мышки” с капиталистическими правительствами, — политика самых бессмысленных компромиссов и концессий торгашескому миру. Сущность всей “перемены” заключается в следующем: во-первых, в отношении к крестьянам насильственная реквизиция заменена налогом натурой, “пищевой податью,” тоже насильственно собираемой; затем, вместо бессильных декретов против спекуляции, (бессильных в виду сохранения денежной системы, обеспечивающей и поощряющей куплю и продажу — страсть к наживе, превратившейся, вместе с недостатком в предметах первой необходимости, в спекулянтов всех, от мала до велика) — декреты о “свободной торговле,” т. е. законного права покупать и продавать; и дальше, — Кооперативы пробуждаются и поощряются, как посредники в обмене и торговле между городом и деревней; поощряется мелкая кустарная промышленность и сдача в аренду небольших производств лично-

стям и корпорациям; позволение рабочим обменивать часть произведенных ими продуктов на пищевые продукты крестьян и поднятие денежной платы рабочим, дабы им было за что покупать и, таким образом, поддерживать торговлю с крестьянами.

“Военщина” Троцкого должна была уступить место тонкой “реальной” политике Ленина. Инициатива личности и групп, не-коммунистов (на 120 миллионов жителей — не более 700 тысяч “коммунистов,” 66 процентов которых являются людьми “держи нос по-ветру,” вступивших в партию ради узких личных выгод момента — выходцев из мелкой буржуазии), да и инициатива низов иерархической лестницы чиновничества в самой партии, искоренялись и подавлялись разного рода назначениями комиссарами и центральными учреждениями. Крестьяне, ограбляемые (как иначе назвать насильственное отбирание продуктов их труда?) правительственными “фуражерами,” отказывались пахать и сеять. Рабочий, прикованный законом к месту и роду труда, работал, как раб, вяло и неохотно, и никакие искусственные методы поощрения: ни бонусы, ни прибавки (е д и н и ч н ы е) пайка, ни наградные, ни, даже, дисциплинарные суды (несмыслимый позор большевизма) — не могли вызвать его творческой живой деятельности. Призраком полной экономической разрухи пугающе глазел на взявших на себя роль “спасителей” коммунистов-большевиков.

Тогда-то партия, так неудачно окрестившая себя коммунистической, сознательно пошла на политический пантаж: учитывая еще оставшуюся страсть к наживе и торгашеству, эту гангрену, привитую капитализмом, она пошла навстречу ей, рассчитывая таким образом возбудить инициативу и усилить промышленность. Партия “комму-

нистическая," правящая Россией, сделала крутой поворот назад к капитализму.

По словам Люиса Ганнетт (Нэпсон), "сам" Ленин писал декабря 2-го, 1920-го, шведскому социалисту, Эрнесту Нобс, что все защитники "свободной торговли" будут считаться врагами рабочих, как эксплуататоры; а на вопрос, почему меньшевики сажались в тюрьмы за пропаганду "свободной торговли," Ленин, будто бы, заявил: "Да, если нужно, мы воспримем политику "Кадетов," но мы будем вести ее сами, а "Кадетов" держать в тюрьме." В этих словах — сказаны они Лениным или нет, — выражена яркая характеристика правительства России. Оно глухо к голосу общества, глухо ко всякой свободной критике слева и преследует всех осмеливающихся не соглашаться с ним, как, например, желающих лишь мирно пропагандировать свои идеи синдикалистические организации, и тем паче, резко критикующих реакционные поползновения и акты правительства, анархистов и левых эс'эров. Нетерпимость Ленина, Троцкого и Ко. оставляет в тени деяния Палмера и других ревностных слуг капитализма, и воскрешает в памяти исторических "невменяемых," вроде Нерона, Герострата и Людовика XIV-го и его знаменитые фразы: "После нас — хоть потоп!" и "Государство — это я!"

Да, России нужно экономическое переустройство, необходимо отвлечь голод; и это будет выполнимо лишь тогда, когда правительство снимет свою нежеланную опеку, свою диктатуру, отвергнет свою сущность (история не зарегистрировала еще такого случая, за исключением — нет правил без исключений — легендарного римского патриция Цинцинатуса, призванного стать диктатором для спасения Римской республи-

ки, в 485-ом году, до Р. Х., и, после поражения врагов, отказавшегося от диктаторства. да еще более легендарного старца — отшельника, Федора Кузьмича, якобы, царя Александра III-го, описанного Л. Н. Толстым), или же будет уничтожено народным восстанием. Тогда трудящиеся, свободно объединившись, легко справятся и с природой и завоюют так долго отказываемое им довольство.

Это будет в обществе свободных людей — Анархическом Коммунизме.

—o—

ПО БЕЛУ СВЕТУ.

Мы так много говорим о России, — да и все грешат этим — что, право, нас могут свободно обвинить в патриотизме, упрекнуть в национализме. Давайте ка посмотрим, что дееется вокруг да около нас здесь, в Америке. Первая картина: вскрытие зловеще темного, мертворожденного "Американского Легиона" (черная сотня). Удушливый запах средневекового варварства, жестокости и остоленелого тупоумия исходит из туловища (рядовые члены), и злобный, ядовитый взгляд бешеной собаки, припертой в угол, пугающе и боязливо сверкает из головы (правительственные агенты). Смола, и перья, похищение и кнут, убийство из-за угла и ночью, виселица и расовые побоища — сопровождают стопы этого, опасно быстро, даже и для правительства, растущего, детища зла, насилия и тьмы, "Американского Легиона." Он заражает все... Он проникает в школу, он (о, ужас!) хочет контролировать воспитание детей, он хочет отравить разум детей ядом своих лекций патриотизма и национализма, своим инквизиторским невежеством и грубостью.

Голод в России возбудил надежды

американского правительства на возрождение контр-революции и оно, предварительно попушукавшись с правительствами Англии и Франции, обещает помочь (целый миллион детей обещается прокормить Гувер), если... если только позволят им работать безконтрольно — позволят им наладить контр-революцию в России. Но русский, измученный нуждою народ не верит уже больше ни "своему" и ни "чужому" — правительствам, ни их обещаниям; для него нет возврата к прошлому.

Голод, голод, голод! — звучит в ушах. Более пяти миллионов рабочих без работы. Уже целый год мертвящая безработица. Голодают теперь, сейчас... А впереди зима... Холод и голод, голод и холод... Проклятие рабам! Оставьте хоть частицу силы в мышцах — нанести удар врагу, хозяину и правителю.

Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой и в другие страны? Ты думаешь, что там красиво, весело, счастливо? Ведь и сюда явился ты с этой надеждой!? Я хотел бы оставить хоть проблеск надежды в твоём скорбно-молящем взоре. Но нет... Вот видишь, Италия, где все силы тьмы и ада, фашисты (черная сотня), вместе с наемниками правительства, полицией и солдатами, душат рвущихся к свободе рабочих и крестьян. Городец Грозетто осаждался 2,000 фашистов, не считая солдат и полиции, и после трехдневной осады, после десятков жертв с каждой стороны, город был взят и революционные рабочие, оставив свои дома и семейства в зверских руках палачей, отступили под покровом ночи. В Сарзана, провинции Генуя, произошли кровавые столкновения. В то время, как вожди рабочих и черной сотни совещались о перемирии, по всей стране происходили побоища. Рабочие, выведенные из тер-

пения, берутся за оружие и переходят в наступление, а перепуганное, возбужденным духом мщения, правительство и главари черной сотни говорят о перемирии. Чтобы отвлечь внимание от домашних дел, правительство пробовало затеять интервенцию в Китае, но неудачно. Спасаясь от гнева народного, оно выпустило из тюрем тов. Малатесту и других. (Мы приветствуем вас в наши ряды, товарищи! Нас больше, нас больше!)

Революция в Италии близится к развязке и новое правительство Бономи, которому предвещают роль Носке (Германия), будет сметено в бездну забвения.

Во Франции рабочие задыхаются в тисках милитаризма и все силы Анархических и Анархо-Синдикалистических организаций уходят на борьбу с ним, на пропаганду анти-милитаризма; правительство, делающее всевозможные уступки крупным и мелким хозяевам и землевладельцам, держится, благодаря дезорганизованности рабочих, и делает нападки на всех видных революционеров: Себастьян Фауре приговорен на восемь месяцев тюрьмы, за то, что он своим знанием и красноречием осуждал правительственную систему.

В Германии властные социалисты всех оттенков режут друг друга, стремясь к захвату власти, а рабочие голодают.

В Испании царит предреволюционная эпоха террора обоюдного: правительство и наемные убийцы бьют рабочих, а рабочие мстят за своих погибших товарищей. Безработица...

В Англии правительство, ассигновав 10,000,000 фунтов стерлингов хозяевам угольных шахт, взяло, нерешительно топтавшихся на месте и неприимавших никаких мер к обеспечению себе крова, пищи и одежды шахтеров, измором. К революционным выступле-

ниям, к экспроприации они не были еще готовы и потерпели поражение.

Ирландия в руках нахлынувших из "безопасных мест," политиканов-патриотов (Де-Валера и др.), которые ведут открыто торги с Ллойд Джоржем о судьбе бедных простаков, ирландских крестьян.

Япония все дальше и глубже проникает в Сибирь, и начинает хозяйничать там, не опасаясь помехи ни Дяди Сэма, который весь ушел в дела южно-американских республик, всеми правдами и неправдами забирая их "под свою опеку," ни Джон Булла, который благосклонно разрешил Японии свобо-

ду действий на Востоке.

Представители всех "великих держав," старые хищники с поломанными зубами, вызывают о разоружении, созывают мирные конференции, — а сами ратуют за субсидии на постройку броненосцев, хотя их и уверяют, что при современной военной технике, броненосцы — ни к чему ненужный хлам, сами готовы, при первой возможности, снова толкнуть своих рабов в кровавую свалку.

Проснитесь селяне! Возстаньте рабочие! Голод, мор и война будут вашим уделом до тех пор, пока вы будете терпеть всю эту свору хищных тунеядцев!

П Р И Л И В.

Поднявшийся ветер вздымает волны. Под лучами горячего солнца сверкает прибрежный песок.

Волны улеглись. Ветер веет с берега и тихая жалоба несется с моря.

Ужасно твое горе, народ! Едва выносите крестную ношу твою.

Ты устал от страданий и горя; разрывается твое истерзанное сердце.

Но не пришло твое время. Тихо звучат твои жалобы. Не начался еще твой прилив. Спокойно твое дыхание: в нем не слышно голоса мести. Не поднимаются твои руки.

Но вот начинается прилив и заливают пустынный берег. Яркий свет солнца заволакивается облаками. По гребням волн несется белая пена. Глуше и грознее звучит голос моря.

Кровью истекающее сердце закипает негодованием, нахлынувшей злобой! Расправляются сложенные руки.

Бог не услышал твоей тихой мольбы, о, народ! и теперь она вырывается громким криком. От тяжелых, тем-

ных облаков отпрянул этот крик. Все выше и выше поднимается прилив. Воет морская пучина. Вzbивая пену кипят волны. Как грозно, как сильно бьет морской прибой!

Сильна и ужасна твоя ярость, народ! От этой ярости, от ее порывов падают тираны. Наконец то ты начинаешь мстить за себя. Гремит гул твоего негодования. Пришло твое время! Где была тишина и спокойствие, — там бушует буря.

Бог не отвечал тебе, когда ты, преклонив колена, просил его; сам себе ответил ты на свои мольбы.

Вольтарина Дэ Клер. (Из "Р. М.")

"Века эволюции только видоизменили жестокости первых грубых государств.... Даже в демократических странах, где народ думает, что он избирает своих правителей, сущность правительств — та же самая. Исходя из старых понятий об абсолютной власти, эти демократии полагали, что для масс

необходимо нужно какое-нибудь правительство, и как только они (массы) сбрасывали одни формы неволи, как другое ярмо накладывалось на их шеи, доказывая через некоторое время, что новое бремя так же неприятно, как и старое. Да народ и не управляет в демократиях более, нежели в других го-

сударствах. Он даже не избирает своих правителей. Эти правители выбирают сами себя, и посредством силы, хитрости и происков достигают тех же результатов, как и их примитивные предки достигали с помощью дубины."

(Кларнес Дарроу, американский адвокат и писатель.)

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ.

М. КОРН.

Анархистов чаще всего упрекают в том, что они не признают организации. Основан, однако, этот упрек на совершенно ложном представлении о том, что такое анархизм, и что такое организация. Дело представляется обыкновенно так, что анархизм, это — хаос, беспорядок, вражда каждого против всех, тогда как организация это — гармония, поддерживаемая строгою дисциплиною, подчиняющею волю массы воле немногих избранных.

Такое узкое понимание слова "организация", а также и незнание с основными принципами анархизма, привели к тому, что по этому вопросу — особенно у нас, в России, где организационные вопросы, в силу конспиративных условий, приобретают особую важность — создалась целая масса предразсудков, еще более глубоких и укоренившихся, чем по вопросам политики или экономики.

Что такое организация? — Всякое человеческое общество организовано известным образом, и чем сложнее его культура, чем разнообразнее его потребности, тем более стремится оно к типу организации, которая представляла бы одновременный рост общественной солидарности и индивидуального развития составляющих общество единиц. Общественная связь людей, лишенных чувства независимости и личной инициативы, может быть только связью между стадом рабов и управляющим ими господином. С другой стороны, и развитие индивидуальности немыслимо без одновремен-

ного развития общественных, солидарных чувств. Что бы ни говорили нищезастывшие аристократы и индивидуалисты, свободный, высоко-развитый человек не может мириться с общественным угнетением, не может жить в обществе рабском. Если его удовлетворяет то, что он, лично, стоит выше окружающих, то его развитие — одностороннее; в нем остались неразвитыми лучшие человеческие чувства, справедливости, симпатии, солидарности. Вот почему, стремление к полному развитию человеческой личности приводит нас к признанию наиболее полной формы общественной солидарности. Мы — коммунисты, не вопреки тому, что мы анархисты, а именно в силу этого.

Не разбирая здесь коммунизма вообще, заметим только, что общее владение орудиями производства и общее пользование продуктами труда неизбежно требует и соответственной формы общественной организации, и здесь вопрос экономический тесно связан с вопросом политическим. Наш политический идеал известен: это — свободный союз независимых общин, производительных и других групп, ассоциаций, федераций. Но это уже составляет известную форму организации, и притом форму, развивающую в людях большую солидарность, более полное отождествление своих интересов с интересами общественными, чем какая бы то ни была другая. Эту то свободную, добровольную организацию, — это вольное соглашение мы и противопоставляем всякой орга-

низации принудительной, иерархической, и считаем, что она делает человеческий союз теснее и прочнее.

Пока речь идет только об общественном "идеале", с нами еще, пожалуй, соглашаются: "идеал" — дело далекое, и в мечтах можно, конечно, позволить себе залетать куда угодно, раз это ни к чему не обязывает сейчас. Но в том-то и дело, что известный общественный идеал обязывает сейчас, и для последовательного человека не может быть раздвоения; одно — в идеале, другое, совершенно противоположное — на практике. Предвидят исчезновение государства не только анархисты, но и социальдемократы: известную фразу Энгельса на этот счет не стоит повторять. Разница только в том, что Энгельс говорит, что государство не будет уничтожено, а само уничтожится; мы же, не желая рассчитывать на это "само", находим, что должны приложить свои силы для ускорения этого уничтожения. Разница еще в том, что предвидя уничтожение государства в будущем, социальдемократы делают в настоящем все для усиления и распространения принципа государственности, предоставляя выпутаться из этого положения людям того момента, когда произойдет "скачек из царства необходимости в царство свободы", и сильное государство перейдет в свою противоположность, т. е. в полное отсутствие оного. Мы же не рассчитываем на подобное диалектическое волшебство и считаем, что вернее всего будет позаботиться о своих делах заблаговременно. "На бога надейся, а сам не плошай".

Находя вредным всякое принуждение, всякую власть в будущем, мы, поэтому, делаем уже в настоящем все возможное, чтобы подорвать ее. Вот почему мы исключаем всякий централизаторский элемент из наших партийных организаций.

Понятие партии нам далеко не чуждо, как думают многие. Но мы понимаем под партией не совокупность людей, объединенных под властью одного центрального комитета, а сово-

купность всех тех, кто ставит себе одну и ту же цель и стремится к ней однохарактерными путями. В этом смысле анархисты представляют собою партию, и притом партию всемирную; мы можем даже сказать, что редко в какой партии единство цели так велико, и разногласий в этом отношении так мало.

Что касается средств, то они, конечно, меняются в зависимости от времени и условий: в одной стране анархисты могут ставить на первое место террористическую партизанскую борьбу, в другой — работу в профессиональных союзах, в третьей — теоретическую пропаганду в партийных группах; но все эти приемы деятельности не противоречат один другому, а только дополняют друг друга. Отсутствие программы-минимум, которая могла бы служить источником разделений, и полное согласие относительно цели создают единство, которого нельзя достигнуть никакими искусственными мерами.

Вот почему мы говорим об анархической партии, единой во всем мире. На практике, между анархистами одной и той же страны, одного и того же языка, устанавливается, конечно, еще более тесная связь, и в этом, более тесном, смысле, мы опять-таки можем говорить об "анархической партии" в России, во Франции, в Испании и т. д.

Как же представляем мы себе такую партию, в последнем, более узком смысле, т. е. в смысле людей, связанных не только общностью идей, но и практическими сношениями?

В основе ее лежит группа — многочисленная или малочисленная, местная или даже состоящая из членов, живущих в разных городах. Группы многочисленные обыкновенно удобны только при пропаганде массовой и открытой, при которой людям нет особенной необходимости близко знать друг друга. Но вести какую бы то ни было практическую работу, особенно работу конспиративную, в них, очевидно, невозможно. Партии централизаторского типа обходят это затруднение тем, что создают внутри группы комитет, ведающий более конспиративные дела и вообще играющий ру-

ководящую роль. Мы же отвечаем на этот вопрос иначе. Мы считаем, что та же цель достигается гораздо лучше созданием большого числа мелких групп, члены которых хорошо знают друг друга; в таких группах в подборе членов будет требоваться большая или меньшая осторожность, смотря по целям группы: та, которая задается целями особенно конспиративными, будет, разумеется, наименее доступна.

Каждая группа имеет право быть как ей угодно строгой в выборе своих членов, и это нужно запомнить всем, кто в силу какого то странного предрассудка предполагает, что анархическая организация должна быть открытая, и что в нее должен быть свободен доступ всякому. Мы категорически заявляем: нет, члены группы должны быть хорошо известны друг другу, и тем более известны, что они все равноправны. Мало того; они должны, вообще, подходить друг к другу как можно ближе; если же такая тесная связь невозможна, то лучше разбиться на несколько групп, чем составлять одну группу из разнородных элементов. Тесная связь членов группы между собою устраняет многие принципиальные и практические затруднения.

Как решаются например, спорные вопросы? Разумеется не большинством голосов, потому что мы не придаем цены числу: сами — вечно в меньшинстве (таков всегда удел революционеров, мы знаем цену численного превосходства и не считаем решения правильным, только потому, что за него высказывалось 11 человек, а не 10). По каждому данному вопросу, в группе должны прийти к соглашению; если же вопрос настолько важен, что никакие добровольные уступки невозможны, то непозволительно было бы прибегать к механическому давлению числа: тогда остается только разделиться.

Каждая такая группа — будь она постоянная, или созданная для определенных целей, должна быть совершенно свободна и автономна в своей деятельности. Она может входить или не входить в сношения с другими группами,

устанавливать какие ей угодно связи или соглашения с теми или другими из них, смотря по роду своей деятельности. Группы одного города могут организовать местную федерацию (так происходило в России повсюду, где развивалось анархическое движение); эти федерации в свою очередь, в интересах дела, обыкновенно находят нужным сноситься между собою. Способы, какими ведутся эти сношения могут быть очень различны: возьмет ли их на себя одна из местных групп, или даже один из местных товарищей, почемунибудь легче могущий исполнять это, будут ли группы чередоваться в этом деле (как было одно время в испанской рабочей федерации), или сношения будут вестись отдельными товарищами, имеющими личные связи (как обыкновенно происходит во французских группах) — это зависит от условий, и принципиального значения не имеет. Лишь бы каждая группа помнила, что о чем бы ни шла речь: о принципиальном вопросе или подготовке боевого акта, принятое решение всегда обязательно только для тех, кто принимает его и кто с ним добровольно соглашается. Это — основной принцип анархической организации, и его мы всегда должны иметь в виду при создании тех или других ее форм.

Помимо постоянной федеративной связи, существенным средством общения между группами могут служить съезды. Вопрос о них поднимался не мало раз в анархической прессе после исчезновения Интернационала; многие товарищи высказывались вначале (80-ые годы) решительно против всякого рода съездов, и это было в то время вполне понятно: мысль о возможности таких съездов, где нет ни голосования, ни давления большинства на меньшинство, возникла и привилась лишь позднее*).

*) Пример существовал, однако, в съездах английских рабочих союзов (трейд-юнионов). Решения их съездов обязательны только для тех союзов, которые их подтвердят у себя, в союзе. Ред.

Однако анархисты не отказывались от участия на международных социалистических конгрессах, не считая возможным чуждаться движения из за организационного вопроса: они были и на парижском конгрессе 1889 года, и на брюссельском 1891-го, и на цюрихском (1893) и на лондонском (1896). И если с тех пор их участие прекратилось, то потому только, что социалдемократическое большинство сначала решило закрыть доступ на конгрессы группам, не признающих участия в парламенте (Цюрих, 1893), а затем обязало и делегатов рабочих союзов давать подписку о принятии парламентского символа веры (последнее было вызвано присутствием на Лондонском конгрессе 1896 года большого числа анархистов, посланных рабочими союзами).

Участвуют наши товарищи и на конгрессах рабочих союзов, не смущаясь тем, что организационные правила этих конгрессов во многом расходятся с их собственными. Мы упоминаем об этом только потому, что уже очень принято говорить об анархистах, как о существах необщительных и неуживчивых по природе, годных только на то, чтобы разрушать чужие организации.

Устраивали и устраивают анархисты и свои, чисто анархические съезды. В Бельгии такие съезды происходят периодически, а в Англии — раз в год; собираются, или делегаты всех существующих групп; или только из нескольких городов. В Соединенных Штатах, где движение ведется главным образом выходцами из Европы, происходят такие же съезды анархистов различных национальностей; их устраивают и наши товарищи, русские выходцы, ведущие пропаганду на еврейском языке. Бывают анархические съезды и в Голландии, и даже в Германии.

Международные конгрессы анархистов всегда встречали большие затруднения в виду полицейских преследований. Неподготовленные, импровизированные конференции происходили в Цюрихе и в Лондоне во время обще социа-

листических международных конгрессов. Затем в 1900 году должен был состояться в Париже серьезный, задолго подготовленный съезд. На призыв группы товарищей, взявших на себя инициативу, откликнулись охотно, и ко времени съезда в Париже собралось довольно много анархистов, французов, итальянцев, голландцев, испанцев, американцев и т. д. Было получено больше 90 докладов по разным вопросам теории и практики, а также о ходе движения в разных странах*). Но конгресс был запрещен французским правительством на основании исключительного закона против анархистов, и пришлось ограничиться частными совещаниями между отдельными товарищами. На этом конгрессе, как и на всех анархических конгрессах, должны были читаться доклады, происходить прения, но не должно было быть никаких голосований, никаких обязательных решений.

Как известно, по инициативе бельгийских товарищей через несколько месяцев вновь предполагается устроить международный съезд анархистов, на этот раз в Амстердаме. Он будет происходить по такому же плану.

Такие именно съезды признают анархисты, и считают их одним из важных средств для установления тесных связей между действующими группами.

Как смотрим мы на анархические органы, на партийную печать? — Может ли быть у анархистов газета, которая бы считалась органом всей партии и официальным выразителем ее мнений? Очевидно, нет. Газете приходится заниматься, не только вопросами, на которых все товарищи сходятся, но и такими, в которых существуют разногласия. В централизованных партиях, дело решается просто: орган находится в руках большинства и выражает его мнение, меньшинство же должно

*) Они составляют большой том, изданный при Temps Nouveaux в Париже. Наше издание "Доклады Конгрессу" содержит только некоторые из них.

молчать. Для нас такое решение, разумеется, невозможно; мы поэтому категорически отказываемся от всякой мысли об официальном органе. Газета — выражение мысли той группы, которая ее издает; своим органом ее могут считать только те, кто с нею согласен. Группы или товарищи, несогласные или просто смотрящие иначе на задачи газеты, могут издавать другой орган, и от этого между обоими изданиями не происходит вражды.*) В централизованных партиях, если меньшинство создает свой орган, то именно всегда против большинства. Этим оно вносит вражду в партию. У нас могут существовать рядом десятки органов, нисколько не нарушая товарищеских отношений групп. Вот почему ни одна анархическая газета не считает себя выразительницей мнений всех анархистов; не претендуя на это, она и не может зато обещать печатать статьи всех оттенков анархизма. Она служит программе и оттенку мысли своей группы и тех, кто согласен с нею. — Эти несколько замечаний о газете нужны для русских читателей потому, что у нас еще не успели привыкнуть к такому складу анархической прессы и понятие об официальных партийных органах сидит еще глубоко.

Отсутствие у анархистов центрального учреждения, которое выражало бы мнение всей партии, обыкновенно считается причиной того, что у нас, как говорится, "всякий молодец на свой образец". Но стоит только немного подумать, чтобы увидеть, что существование центрального комитета ничего не изменило бы. Положим, что в партии, по какому нибудь вопросу существует разногласие. При централистической организации это разногласие, разумеется, не исчезает, а только подавляется дисциплиной; в результате, меньшинству нет возможности проводить свою точку зрения на практике, а всем членам партии — большинству или меньшинству — нет возможности увидеть,

как решается данный вопрос самой жизнью. Разногласие обостряется, создается хронический внутренний разлад, сдерживаемый чисто внешним образом; обе стороны, вместо того, чтобы искать точек соприкосновения, все дальше расходятся.

Иначе происходит дело у анархистов. Возникает известный тактический вопрос, например, о том, идти или не идти в профессиональные рабочие союзы (так было напр. во Франции в половине 90-х годов). Большинство французских товарищей в предыдущие годы имели много случаев убедиться в косности этих союзов; их умеренность и политиканство кажутся им неисправимыми; они не верят в возможность сделать из них орудия революционной борьбы. Другие находят напротив, что есть признаки расширения задач этих союзов и развития в них революционного духа; войдя в них, они надеются углубить его. Решаясь этот вопрос голосованием на конгрессе, большинство было бы несомненно на стороне первых, и вторым быб бы отрезан всякий путь к испытанию на практике предлагаемого ими способа действий. Но произошло иначе. Вопрос обсуждался в группах, в газетах. Желавшие вступить в рабочие организации свободно могли поступать, как находили лучшим. Первые опыты их оказались успешными; рабочие понемногу перестали бояться анархистов и приучались ценить в них преданных и безкорыстных работников. Анархические идеи прививались. Этот жизненный опыт был лучшим аргументом: число анархистов "синдикалистов" быстро увеличилось, и теперь, за ничтожными исключениями, французские анархисты признали возможность и необходимость для рабочих союзов сыграть в революционный момент решающую роль. Вопрос решился жизнью, а не голосованием.

Невольно вспоминается, как ответила французская анархическая газета "La Revolte" на упрек, высказанный бывшим коммунаром Лефрансе в брошюре "Куда идут анархисты?" Автор упрекает анархистов, между прочим, в

*) Любопытно заметить, что всякий раз появление нового органа усиливало обращение всех остальных. Заинтересовывались новые круги читателей. Ред.

том, что их принцип: "Делай что хочешь". Да, говорит "La Revolte", "Делай что хочешь" — наш идеал общества, и мы считаем его неизбежным следствием отрицания власти человека над человеком. И разве сам Лефрансэ, и в 1848 году, и при Империи, и во время Коммуны, не показал своим примером, что никто никогда не мог заставить его делать то, чего он не хочет?

А мы прибавим: и не представляет ли этот принцип всегда и везде неотъемлемую принадлежность революционера? Да, анархист

стремится к тому, чтобы люди делали то, чего они хотят, и своею деятельностью надеются не принудить людей к известным поступкам, а привести к тому, чтобы они хотели поступать так или иначе. Борются силою мы будем с теми, у кого сила в руках и кто насильем удерживает свое господство. Но, когда революция победит (а внутри революционной среды — уже и теперь), мы будем рассчитывать для дальнейшего распространения наших идей на одно только **вольное соглашение**.

АНАРХИЗМ И ПОЛИТИКА.

Нас часто упрекают в противоречии, ставя на вид, что, отрицая всякого рода политику в теории, мы являемся, в то же время, самыми рьяными политиками на практике; а пару десятков лет тому назад, социаль-демократы прямо заявляли, что, признавая только борьбу экономическую и отказываясь от борьбы политической (парламентаризма), мы играем на руку самодержавию, косвенно, якобы, поддерживая его. В настоящее время нам тоже говорят, что критикуя политику большевиков, мы играем в руку реакции; не принимая участия в правительстве, — мы, якобы, ослабляем революцию и т. п.

Чтобы не блуждать крутом да около, надо определенно выяснить в чем заключается сущность и проявление Анархизма, и что понималось и понимается под словами: политика и политическая борьба.

Анархизм — это учение о свободном сообществе людей, безвластном коммунизме, отвергающее насильственную государственную форму организации, и предлагающее взамен его свободный союз (федерацию) независимых коммун; и сущность проявления его заключается в борьбе анар-

хистов вместе с массами угнетенных и обиженных против несправедливости и зла в настоящем обществе, — в борьбе за светлое будущее. На арене этой борьбы анархисты всегда видели двух главных врагов свободы: Собственность и Государство. Дабы угнетенные не только инстинктивно, но и сознательно могли понимать весь вред этих учреждений, надо было анализировать их и беспрестанно подвергать строгой и беспощадной критике. Непощадно критиковались также и религиозные предрассудки, как помеха сознательному отношению к окружающему. Исходя из анализа, анархисты, убежденные историческим опытом и здравой логикой, ясно понимали, что изменение форм этих учреждений не изменит рабского положения трудящихся; что какие-либо законодательные реформы бессильны изменить существующие отношения труда и капитала; — необходима ломка, уничтожение, полная отмена этих вредных учреждений. Поэтому, отказываясь от реформистской деятельности, анархисты призывали к борьбе, прямой и непосредственной борьбе, с этим тройственным союзом: Владельца, правителя и попа.

Никаких уступок, никаких компромисов! Полное их уничтожение везде и всюду!

Ну, а где же тут политика?.. Да и какое отношение она имеет к Анархизму?

Соответственно развитию языка изменяется и значение многих слов: так и слово "политика" в разное время понимались разное — то как борьба за свободу вероисповедания (партия "политиков" во Франции в 16-ом веке), то как наука о государстве, а то как отрасль социологии, изучающая формы общежития. Быть политиком в таком смысле не представляется нам ничем удивительным, но если мы заглянем в энциклопедический словарь (под рукой у меня оказался словарь Павленкова), то мы найдем совершенно другое пояснение этого слова:

"Политика — это искусство управления — внутреннего или внешнего — Государством." Это и есть обычное, ходячее понятие о политике. Кропоткин говорил: "Мы знаем, что под политикой часто подразумевают также искусство управлять страной, искусство группировать людей вокруг определенной правительственной программы, старание свергнуть данную правящую касту или класс, чтобы занять их место, искусство заключать выгодные для своей партии союзы с элементами, находящимися почему либо в оппозиции с данным правительством, наконец искусство быть интриганом, ловко подставлять ножку, как противникам, так и друзьям, быть оппортунистом, т. е. угодничать и нашим и вашим — вот еще какой смысл имеет слово политика, или вернее, вот еще какое содержание вкладывается в него известным разрядом людей."

Мы изучаем своего врага, врага всего человечества — Государство, его на-

стоящее и прошлое, дабы выработать более верные способы, более могущественное орудие борьбы с ним; мы убеждаем несознательных и заблуждающихся рабочих, попавших под влияние узкого дисциплинированного социального демократического и "коммунистического" понятия, что они вредят себе и нам — вредят всему человечеству — оставляя старые государственные формы, или защищая новые, но с теми же функциями насилия, эксплуатации и одурачивания трудящихся. Правление любовью партии в такой же степени невыгодно и вредно трудящимся, как и правление "самодержца." Так называемые, демократии, республики и конституционные державы, предоставив рабочим фиктивное (в действительности капиталисты назначают и избирают угодных им лиц) право избирать своих правителей и лицемерно заявив о их "полноправности" перед лицом государства, — со своим чудовищным развитием и ростом капитализма, держат в тисках экономического рабства рабочее население в еще большей степени, нежели страны недемократические с отсталой промышленностью. И политическая свобода, совместно и наряду с экономическим рабством, не стоит и ломаного гроша, является миражем, игрушкой, который тепшат народ, по пословице, Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Такой же утешой обманутому пролетариату России служит и знаменитое словосочетание, "Диктатура пролетариата."

Поэтому участие в парламентах, вера в представительное правительство, вера в "революционное" правительство, — вера в Государство — нами всецело отрицается. С этой стороны, т. е. критики и борьбы с Государством, борьбы, с политическими, т. е. стремящимися к захвату правления — власти

тикой только постольку, поскольку мы разрушаем ее.

Политическая борьба, заключающаяся по мнению социалистов в стремлении захвата государственной власти в руки своей партии мирным законным путем преобладания в парламенте, практиковавшаяся особенно “успешно” в Германии, дала роскошные плоды в виде социалистических представителей, голосующих суммы на военные расходы кайзера, в виде Шейдемана и Эберта. И “политическая зрелость” социаль-демократии, при их реформистско-парламентарской тактике, явилась тормазом прогресса рабочего движения, убив всякую инициативу и революционность в среде масс, превратив их в стадо, послушное окрику пастуха — вождя партии. Такую же роль сыграла и милитаристически настроенная русская социаль-демократия, в лице большевиков. Подчинив массы авторитету вождей, дисциплинировав их, они оказались в весьма затруднительном положении: без проявления инициативы различных общественных групп не было никакой возможности наладить ни производство, ни распределение. Многие “декаденты” из среды анархистов, первые дни русской революции, увлекшись моментом и агрессивной тактикой большевиков, объединились с ними для разрушения старого строя, но вскоре увидели, что никакого разрушения не происходит, а только реформация. Происходило внешнее изменение и перекрашивание форм, при их прежнем содержании: вместо государства российского — государство социалистическое (республика социалистическая); вместо правительства царя или Керенского — правительство большевиков; вместо Церкви при государстве — Церковь в государстве; вместо царской армии — красная армия; вместо различных судов, — “революционные” трибуналы; вместо поли-

ции — милиция; вместо царских тюрем — тюрьмы большевистские; вместо чиновников царизма — комиссары большевизма, вместо налогов и податей — реквизиции и натуральные налоги и, наконец, вместо многих хозяев — один хозяин — наниматель, Государство. Переменились лишь названия, но отправления учреждений остались те же.

Это и наступившая вскоре правительственная реакция, выразившаяся в преследовании революционеров — анархистов и левых эс-эров, а также желание и происки мира с капиталистическими державами, — оттолкнуло всех честно мыслящих рабочих Европы и Америки от, так называемого, политического действия, “реальной” политики, и указывает им, что в своих экономических организациях они найдут более могущественное средство к освобождению.

Центр тяжести из политики перенесся в экономику, и, даже “величайший из политиков,” Ленин, учел это и указал в своей речи на десятом Конгрессе Российской Коммунистической партии. Учли это и многие увлекшиеся моментом и ожесточенностью борьбы с контр-революцией анархисты; и на этой почве, т. е. отвергая политическое действие (парламентаризм, участие в правительстве и т. п.) и признавая только прямое, экономическое, — после многих трений происходит снова единение всех анархических элементов. Борьба экономическая снова стала на первом — месте, но она не отвергает борьбы против политики, против центра внимания и appetитов “политиков,” института рабства — Государства, и идет рука об руку с ней. Остается разрешить еще один вопрос: разрушая все политические формы в настоящем, оставляем ли мы какую-либо долю политики в будущем обществе? Мы говорим, нет! В обществе, где не будет правительства, не будет власти человека над чело-

веком, где всякого рода союзы и со- разрушительной и созидательной так- общества людей будут основываться на тике, в самой своей сущности — все- добровольном соглашении, — там нет цело аполитичен. места политике.

Таким образом. Анархизм, в своей

ВИД.

С В О Б О Д А .

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно - мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежным, —
Всю жизнь мне, все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:

Свобода! Свобода!

Измученный рабством и духом унылый
Покинул я край мой родимый и милый,
Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Взывать громогласно заветное слово:

Свобода! Свобода!

И вот на чужбине, в тиши полуночной,
Мне издали голос послышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак беспросветный,
Сквозь все завывания ветра ночного,
Мне слышится с родины юное слово:

Свобода! Свобода!

И все то мне грезится снег и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина:
Лицо бородатое, мощь исполина;
И он говорит мне, снимая оковы,
Мое неизменное, вечное слово:

Свобода! Свобода!

Но, еслиб грозила беда да невзгода
И рук для борьбы захотела свобода, —
Сейчас полечу на защиту народа.
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:

Свобода! Свобода!

А еслиб пришлось умереть на чужбине,
Умру я с надеждой и верою ныне,
Но в миг передсмертный, в спокойной кручине,
Не дай мне остынуть без звука святого,
Товарищ, шепни мне последнее слово:

Свобода! Свобода!

Н. Огарев.

ГОЛОД, НЕВЕЖЕСТВО, СТРАХ..

Три врага есть у народа. Его первый враг—голод; второй враг—невежество; его третий враг—страх. Голод сделал его выучным животным, и невыносимо тяжела его ноша. Но сильны удары кнута, и он терпит. И обливается кровавым, потом и вместе с слезами он пьет эту кровь. Голод гонит крестьянина и рабочего, мужчин и женщин, стариков и детей на рынок рабов и заставляет их кричать: "Купите рабочего! Мы продаем себя целиком: и тело, и душу, и совесть. Покупайте, дешево—мы будем работать на вас до изнеупления, до пота десятого, мы оденем ярмо на себя и будем целовать ваши ноги... Покупайте рабочего, дешево, дешево... Мы просим немного хлеба: настолько, чтобы не околесть, да жалких лахмостей, чтоб прикрыть наготу." И торгует народ. И стая хищников, богатых и сильных людей слетается и покупает рабочую силу, рабочую душу... Полны заводы, фабрики, копи, полны веселые дома. И стон раздается повсюду... Но многие остались некупленными. Богатые и сильные оставили их, чтобы иметь их в запас, чтобы сказать своим рабочим: Берегитесь! мы возьмем других на ваше место; чтоб крепче держать возжи в своих руках, чтобы чувствительнее бить рабочих скотов... Для этих голод не знает пощады. Он в помощь зовет тиф, холеру, цынгу, и косит народ. И ужас, отчаяние всюду... И стонет народ..

Его второй враг невежество. Пирует богатый.. Яствами полны столы их, реками льется вино. И собакам своим они бросают больше, чем людям—рабам.. Золотом блещут их одежды, весельем сверкают глаза. Их дети здоровы, обуты и сыты. И сотни тысячи рабов трудятся всю свою жизнь, чтоб доставить этим детям богатых игрушки красивые, и тысячи рабочих детей чахнут на фабриках, босые, голодные, жалкие... Их жены не знают забот: все сделают слуги. Им не надо работать: куплен рабочий с его женою и детьми.

Нужно только его погонять, да бить побольнее, чтоб отдыха не знал. А народ видит все это и думает: Так и должно быть—он господин и хозяин, а его подданный раб. И думает он так потому, что невежествен.. И приходят к нему священники и говорят ему: Мы знаем что вам принадлежит царство небесное, что последние будут первыми в нем. И за то, что мы говорим вам это, вы платите нам часть труда своего. И народ слушает и верит. И гнет свою спину на полях и лугах, под зноем палящим, дышет отравленным воздухом в мастерских и заводах, как крот роется в землях богатых, чтоб заплатить слугам Бога. И делает он это, потому, что невежествен. И приходят к нему сильные мира и говорят ему: Мы защищаем тебя от твоих врагов, чтоб ты мог свободно работать, и ты нам должен платить, и своих сыновей ты нам должен давать для войны с врагами. И верит народ, кровью он обливается, чтоб подать платить, и детей своих посылает на верную смерть. Он делает это потому, что невежествен. И все живут трудами его рук, все у него на шее сидят: фабрикант и помещик, поп и ученый; все питаются кровью его. И его презирают и топчут ногами, и издеваются над ним престоком. И народ, этот большой и наивный ребенок, не понимает, что тунеядцы все эти люди, его покупающие, властные над телом его и душой, что нужно с ними бороться на жизнь и смерть, что нужно свергнуть господ, нужно равенство богатства, равенство знания, что воля нужна. И стонет и терпит народ.

Его третий враг — страх. Стоять у раскаленной печи, брызжущей тысячами искр горячих, работать в шахтах сырых, где всегда обвалом, пожаром или удушливым газом грозит,—не боится народ. Убивать на войне и подставлять себя под пули врага—не страшно ему. Но под ударами своего господина, помещика, фабриканта или чинов-

ника он упорно молчит, скованный страхом. Землю его отбирают, и ею торгуют, как вещью. Полны хлебные амбары господ. Народ голодает и... молчит. Целые деревни и села терпят гнет одного. Тысячи боятся немногих, боятся восстать против них, отнять у них землю, прогнать с нея тунеядцев, вернуть себе веками ограбленное; — он молчит, скованный страхом. На фабриках ему платят гроши те, которые наживают миллионы трудом и потом и кровью народа, десятков и сотен тысяч рабочих. Ограбленные богатства

меняют на бархат и шелк. Народ ходит в лохмотьях, видит все это и... глупо молчит. На плаху ведут его сыновей за то, что любили народ, вселяли в него смелость и силу. И толпы народа кругом — и не дрогнет рука, что бы напасть на врагов и вместе с друзьями своими бороться за Равенство, Братство, Свободу. И торжествует палач. Есть три врага у народа: голод, невежество, страх.

"Хлеб и Воля."

— 0 —

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О СУЩНОСТИ АНАРХИЗМА.

Поскольку мы знаем историю человеческих обществ, в них всегда наблюдалось два течения. Было течение авторитарное (властное), представляемое чернокнижниками (учеными старого времени), жрецами, военными вождями, завоевателями и т. д., утверждавшими что общество должно быть организовано центральной властью, которая создает для всех законы и всех заставляет повиноваться им. И всегда против этого властного течения шло течение народное, которое организовало общество, не сверху вниз, но на основе равенства, без властей, от простого к сложному посредством соглашения отдельных лиц для образования племени и позже — деревни, союза.

Всегда эти два течения боролись между собой, борются они и теперь. История человечества — история этой борьбы.

Анархисты в настоящее время представляют это второе народное течение; все же те, которые — умышленно или нет — игнорируют работу, выполненную народным течением в племени дикарей, в деревенской и городской общине, в союзе общин и — в наше время — в тайных или открытых рабочих союзах, в тысячах свободных обществах, образующихся для тысячи различных целей, — те, которые не обращают внимания на эту работу и считают

себя предназначенными для организации масс, являются представителями течения господского, правительственного, в церкви, государстве, властном социализме.

* * *

Вначале народное противовластное течение работало над развитием учреждений, которые дали бы людям возможность жить в обществе. Дикари, едва выйдя из ледникового периода, понимали несомненно, что у некоторых из них были стремления к господству; и чтобы их уничтожить, чтобы не дать им ходу, не было достаточно одного личного возмущения. Так как властители должны были говорить в те времена (как они делают это и теперь) о прекращении "беспорядков" учреждением власти, превращением обычая в закон, насаждением религии, — представители вольного народного течения должны были понимать и тогда (что можно утверждать, изучая оставленные им творенья), это они могут победить это течение только противопоставлением ему определенной добровольной организации общества. Мы видим, что в этой добровольной организации они особенно основывались (что чрезвычайно заметно в начале средних веков в Европе) на очень большой свободе личности, и на равном праве каждого человека на часть обитаемой племенем

земли, — следовательно, на равном праве на землю, которая (кроме грабежа врагов) была тогда главным источником дохода.

То, что мы называем политическим и экономическим равенством, было в те времена целью этих первоначальных строителей общества. Более того. Духу властолюбия меньшинства, состоящего из воинов и жрецов, они противопоставляли созидательный дух масс. Духу повиновения и подчинения, они противопоставляли дух независимости личности и одновременно добровольное соединение личностей для создания общества без власти.

В настоящее время, в борьбе эксплуатируемых против эксплуататоров, эту самую деятельность развивают анархисты. Они хотят свободной личности. Но они понимают, что не разбоем, не монополизацией природных богатств и не эксплуатацией труда других людей, попавших в (добровольное или вынужденное) рабство, они добьются своего собственного освобождения.

Они понимают, что живя среди общественных существ, каковым является человек, они никогда не добьются своего освобождения, если будут пытаться освободиться сами, индивидуально, не считаясь с другими. Чтобы прийти до свободной личности, они должны работать над созданием общества равных, в котором все обладают равными правами на сокровище знания и на материальные богатства, накопленные человечеством, в котором никто не будет принужден продавать свой труд (и вследствие этого, до известной степени, и свою личность) кому либо желающему его эксплуатировать.

Вот почему анархизм вынужден быть коммунистическим; вот почему анархизм родился в недрах международного социалистического движения; и вот почему индивидуалист, остающийся индивидуалистом, не может быть анархистом. Тот, кто стремится захватить для самого себя исключительное право на какую бы то ни было землю или имущество, или какую бы то ни было часть общественных богатств, то неизбежно придет к отысканию

власти, которая обеспечила бы ему пользование этой землей, или этой частью современного машинизма. Или человек войдет в общество, в котором все вместе владеют землями, средствами производства, дорогами, и которое все это употребляет для общей жизни всех, — и тогда он будет коммунистом. Или же он прибегнет к какой нибудь власти, поставленной над обществом, которая ему гарантирует исключительное и постоянное владение какой нибудь частью земли и общественных богатств. И тогда он не будет анархистом, он будет ронником власти.

Буржуазия, современный эксплуататор человеческого общества, это уже сделала. Этот опыт более делать не нужно, так как он уже сделан. Современные буржуа хотели разделить между собою земли, наделить ею отдельных и их наследников. И они достигли этого, создав государство, особенно государство представительное, парламентарное. Они воспользовались им для эксплуатации тех, которые остались в стороне от этого дележа. Они образовали современное общество.

Они думали таким образом обеспечить личности полную свободу или, по крайней мере, большую свободу личного развития. И теперь они видят себя, — они и их дети, — рабами государства, того самого государства, усилению которого они содействовали, думая, что оно обеспечит им их частные владения, что оно имеет достаточную силу, для того, чтобы заставить пролетариат уважать их права, что оно не будет покушаться на их свободу монополистов.

Они видят теперь, — по крайней мере те из них, которые имеют достаточно ума для понимания смысла событий, — что они не смогут удержать за собой это привилегированное положение. Они все ставят на карту, чтобы удержать его, но понимают, что это более не возможно. И тогда более хитрые из них предлагают одной части эксплуатируемых образовать из себя товарищества, — четвертое сословие монополистов, — для совместной эксплуатации остального народа и наций, от-

сталых в промышленном отношении.

Но эксплуатируемые рабочие начинают уже понимать эту игру и дав себя дурачить в течении 40 лет красивыми словами о "завоевании власти", которое им обещали, рабочие массы понимают теперь игру монополистов и поворачиваются к ним спиною.

То, что мы, анархисты, предвидели 40 лет тому назад, — крах парламентаризма, — уже

совершилось. И следствия этого краха вызовут неизбежное новое пробуждение рабочих. Нам нужно, следовательно, суметь точно формулировать наши цели и указать, в каких направлениях мы будем работать над созиданием будущего и разрушением прошедшего.

П. Кропоткин..

МЫСЛЬ.

Ее побивали камнями во прах,
Ее на кресте распинали,
В темницах томили и жгли на кострах,
И псам на с'еденье бросили.
То пошлость, то глупость людская стеной
Повсюду ей путь преграждала;
Но в темные щели как день золотой,
Как воздух она проникала,
Из мрака неволи, из пепла костров
Сильна и прекрасна вставала
И ржавые цепи срывала с рабов,
И спящих от сна пробуждала.
И сеяла правду она меж людей,
Средь лжи вековой и разврата, —
Но бури раздоров шумели за ней,
И брат поднимался на брата.
И правда для них оставалась нема:
Их душу лучи ослепляли,
И светом казалась им прежняя тьма,
И свет они тьмой называли.

Д.

НАЦИОНАЛИЗМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ.

С том вреде, какой вносят собой национализм в рабочую среду, широко распространяться не приходится: ибо этот вред настолько громаден, настолько "укультивирован", что он в тысячах явлений бросается в глаза на каждом шагу. Национализм—езде! Он в церкви, он в школе, он в прессе, он на фабрике, он в кабаке, он в кинематографе, он—езде и всюду. Всюду находятся лицемерные радетели, продаж-

ные обожатели национализма, которые с пеной у рта возносят до небес национальное достоинство "своего" народа. Особенно тщательно и всесторонне стараются привить национализм в той среде общества, которая под давлением обстоятельств должна-бы прийти в брожение, но при наличности национализма, она не только продолжает оставаться спокойной, но часто принимает азартную позу в защиту последнего.

Имея в своем распоряжении столь целебное средство, врагам рабочего класса, разумеется, легко удается оставаться на высоте своего положения и, при помощи национализма, внушать рабочим покорность и уважение ко всему тому, что только подходит под национальную марку, с одной стороны, и презрение и ненависть ко всему что остается вне национальной марки, с другой. Таким образом одним выстрелом убивают два зайца: а) рабочие оставаясь верными "своему" национализму, продолжают быть покорными рабами своих эксплуататоров, б) презирая все "чужое", рабочие тем самым отмежевывают себя от таких же, как они, горемык, других национальностей. А врагам рабочих ничто так не приятно, как раз'единение в рабочей среде. Наличие раз'единения есть самый верный признак того, что рабочим еще долго придется прозябать под игом капитализма: ибо, как бы рабочие не были сплочены в какой либо стране, как-бы они сильны там ни оказались,—добиться полного освобождения без поддержки рабочих других стран они не могут. Свобода рабочих дело рабочих всего мира.

Капиталисты все это прекрасно учитывают, они знают, что если их благополучие зиждется на солидарности их интернациональных взаимоотношений, то и гибель им тоже грозит от интернациональной солидарности между рабочими. Поэтому-то они, ради обеспечения, или, по крайней мере, ради продления своего существования всячески стараются недопустить между рабочими единения. Это-их исторические миссии!

Но так как капитализм по своей природе есть грабеж и грабит он преимущественно рабочих, потому последние не могут не чувствовать его давления. Нужда, как повседневный спутник их жизни, сама за себя говорит о их жалком существовании, поэтому дабы отвлечь внимание рабочих от занимаемого ими положения, необходимо пускание пыли в глаза. Пылью-же этой является национализм. При помощи национализма враги рабочего, всегда

ухитрялись выставить в качестве виновника его (рабочего) скудного положения, ту или другую нацию, то или другое государство, или просто государя, министра или генерала.. Из чего уже само собой вытекает: что рабочим стоило лишь расчитаться с этими виновниками, и все пойдет как нельзя лучше.

В большинстве случаев это практиковалось. Глупое, бездарное, но в то же время до каленого змия свирепое царское правительство виновником продажности своих развратных генералов и гибели сотен тысяч рабочих на полях Манджурии, и, в дополнение к этому, процветания в стране пауперизма, и повального вымирания от эпидемических болезней—считало евреев. "Жид", был козлом отпущения. Та же самая логика и у прав. других государств. У одних виновником бедствий являются немцы, у других ирландцы, у третьих—чернокожие и т. д. Даже доброй памяти "интернационалисты" старались вселить в рабочих подобный взгляд: так германские с.-д. во время войны говорили, что пока Кайзер победоносно не в'едет в Петроград—революция не мыслима, а русские с.-д. (патриоты) в свою очередь утверждали, что революции не будет до тех пор пока Николай не водрузит красное знамя в Берлине; иными словами говоря: русский рабочий жаждущий революции должен был бить германского рабочего, а германский с этой-же целью русского.

Сознательная часть рабочих всегда была противником всяких национальных пристрастий, она указывала эксплуатируемым рабам весь вред национализма, она твердила рабочим, что их враги не иностранный народ, а их же "собственный буржуй — эксплуататор, одинаково эксплуатирующий всех рабочих без различия национальности. И, по мере того, как развивался капитализм и принимал интернациональную форму эксплуатации в рядах рабочих тоже начинала зарождаться всемирная солидарность: ибо сама структура жизненного уклада, устанавливающегося с развитием капитализма, указывала рабочим на то, что их бу-

дущее зависит от их интернациональной сплоченности. Под таким предлогом уже много лет тому назад был создан "Международный Союз Рабочих, правда в последствии загрязненный попавшими туда политиками, и уже не отвечавший своему назначению. Но рабочие, исправляя свои ошибки, не оставляли благой цели—всемирной солидарности; они уходили от обанкротившегося "интернационала", бросали продажных лидеров, и самостоятельно организовывали на местах ячейки на интернациональной почве, в которых каждый рабочий, будь он "гражданин," или "чужестранец" имел одинаковое право—право человека. Конечно, находясь в атмосфере предрассудков и встречая на каждом шагу преграды, осуществление целей, заключающих в себе гибель капитализма, было сопряжено с неимоверными усилиями и огромными жертвами, но взявшиеся за дело труженики не унывали, они глубоко верили, что, рано или поздно будет положен предел капитализму. И действительно в самом разгуле темной силы, в самом расцвете мракобесия, на востоке появилось светлое солнце—интернационала. Борцы облегченно вздохнули, надеясь, что бросаемое ими семя наконец-то принесло плоды!

Уничтожая дряхлые устои, опрокидывая на свем пути традиционные предрассудки, русская революция, пройдя несколько стадий развития, вынесла на гребни своих пенящихся волн партию с интернациональным знаменем в руках. Партия, как партия стремящаяся к власти, для обеспечения достигнутых революцией результатов не замедлила выдвинуть из своей среды правительство, (о значении того, или иного правительства вопрос особый а потому здесь мы его не касаемся), в состав которого вошел элемент не одной, а нескольких наций, осуществляя таким образом мечту мировой солидарности. Какие же последствия, какой результат осуществления столь заветной мечты? Как бы ни хотелось, но нельзя не согласиться, что результат далеко неблагоприятен рабочему движению.

Революция как переворот, как ломка старого и созидание на развалинах нового, не может не наносить до некоторой степени ущерб экономического характера в повседневный обиход жизни, особенно в период ее стихийного состояния. К тому же, если революции предшествуют явления в свою очередь разрушительного свойства, каковым является война тогда первыми плодами революции окажутся: разруха, голод, болезни, смерть и нужда на каждом шагу. А русская революция как раз принадлежит к этой категории. Предшествовавшая ей война разорила в конце и без того скверное состояние страны, и все, что могло достаться революции после ее победы, это то, что ей на каждом шагу приходилось наткаться на разинутую пасть голода. Не было ничего, и взять было неоткуда! Ибо она была не только окружена стальным кольцом блокады, но в ее территорию часто врывались, а иногда даже далеко заходили, разные контрреволюционные банды. Приходилось бороться, и вместе с тем терпеть! Это то терпение, в силу ли инстинктивности или под влиянием свыше, во многих случаях истолковывались довольно таки ложно. Невзгоды и лишения перестали вменяться в вину царскому правительству, как наследие его бездарности; мало того стал считаться виновником в этом и мировой капитал, а виной всему стало то, что в составе большевистского правительства не есть один только русский элемент. Ряд писем, время от времени доходящих сюда, без обиняков говорят: "у нас беда—потому что жида захватили всю власть". Подобное воззрение пускает пышные ростки и здесь в Америке. Многие рабочие только потому не сочувствуют русской революции, что в ней принимают участие "жиды", только потому и против большевистского правительства, что "дай жиду власть,—добра не надейся.". Разве не все равно нам, угнетенным, какие силы помогают нашему освобождению; разве еврей—рабочий и мелкий земледелец, не так же угнетен, как и русский, английский, итальянский, немецкий и другие

разве революционеры-борцы-евреи не показали себя достойными удивления и восхищения, жертвуя всем во имя свободы??? Разве правительства истинно-русских православных "белых" царей были слаще большевистского правительства? Разве правительства "демократических" держав лучше самодержавия или "Советского правительства и наоборот? Нет!!! все правительства существуют с одной целью: защищать привилегии паразитов, насиловать трудящихся! "В мире два стана, вечно враждующих...": один—рабочие всех стран и наций; другой — бездельники и тунеядцы всех стран и наций. Русской революции нам нужно сочувствовать, и, по мере сил, продолжать ее до полного нашего освобождения; с правительством же большевистским и всяким другим на-

до бороться, как с представителями рабства и насилия; нужно скептически-отрицательное отношение к их роли и функциям в обществе, но не исходя из предрассудка национализма. "Освобождение рабочих есть дело самих рабочих", к какой бы нации они, по случайности рождения, ни принадлежали, но не дело какой-либо политической партии. Гонимые голодом и кнутом насильников кочуем мы из страны в страну, встречая везде тот же голод и кнут. Мы, рабочие всего мира, не имея ни собственности, ни отечества—не должны иметь и прививаемого нам насильно чувства национализма; ибо залог нашего освобождения лежит в нашей международной солидарности.

Автономов.

РАБОЧИЙ И ГОСУДАРСТВО.

"Деньги правят миром", вот сущность гражданской эпохи. Неимущий аристократ и неимущий рабочий, как "истощенные", не имеют никакой стоимости в политических расчетах; происхождение и труд ничего не значат, но деньги доставляют значение. Собственники правят, а государство подготавливает своих слуг из неимущих, которым, согласно их доли участия от его имени в правлении, оно выдает деньги (жалованье).

Я получаю все от государства. Разве я имею что-либо без согласия государства? Все, что я имею помимо него, оно отбирает от меня, коль скоро находит, что я не имею "законного права". Поэтому, не по его ли милости, не с его ли согласия имею я все?

На этом единственно, на законном праве, покоится общество. Общинник является тем, что он есть, благодаря защите государства, по милости государства. Он неизбежно стал бы опасаться потерять все, если бы мощь государства была сломлена.

Но как же с тем, кому нечего терять, как с пролетариатом? Так как ему нечего терять, —ему не нужна и защита государства для

его "ничто". Наоборот, он может выиграть, если защита государства отнимается у протеза.

Поэтому неимущий должен смотреть на государство, как на силу, защищающую собственника, которая дает привилегии последнему, но ничего не делает для него, не-владельца, — а только сосет его кровь. Государство — это страна разночинцев, владение граждан. Оно защищает человека не соответственно его труду, а соответственно его покорности (верноподданности), т. е. согласно тому, пользуется ли и обходится ли он с доверенными ему государством правами в согласии с волей, т. е. с законами государства.

При режиме общ. трудящиеся всегда попадают в руки собственников, т. е. тех, кто имеют в их распоряжении какой-либо кусок государственных владений (а все, чем можно обладать находится во владении государства, принадлежит государству и лишь арендуется индивидом), а особенно деньги и землю—попросту говоря,—капиталистов. Рабочий не может взять за свой труд ту стоимость, который он имеет для потребителя. "Труд оплачивается плохо!"

Капиталист получает больше выгод от него (труда).

Хорошо оплачивается, и более, чем хорошо оплачиваются, труды тех, кто повышают пышность и владения государства, труды высших слуг государства. Государство платит хорошо, дабы его "добрые граждане"—собственники могли бы платить плохо без опасности; оно достает себе посредством хорошей платы своих слуг, из которых оно образует силу защиты—"полицию" (к полиции принадлежат солдаты, чиновники всех родов, как то: правосудия, образования и т. п.—короче говоря,—вся "государственная машина") в интересах добрых граждан"; а "добрые граждане" охотно уплачивают ему высокие налоги, лишь бы платить, как можно меньше своим рабочим.

Но класс рабочих, незащищаемый в самом существенном (ибо они не пользуются защитой государства как рабочие, но как его под-

данные они участвуют в пользовании полицией, так называемой, защитой закона), остается силой враждебной этому государству собственников, этому "королевству граждан". Его основа труд, не признается соответственно его ценности; он эксплуатируется, он—добыча собственника, врага.

Трудящиеся имеют чудовищную силу в их руках, и если бы они осознали ее и воспользовались ей,—ничего не устояло бы перед ними; им стоит только перестать работать, смотреть на производство труда, как на свое и пользоваться им. Это и есть смысл рабочих волнений, возникающих здесь и там.

Государство зиждется на рабстве труда! Если труд станет свободным—государство погибнет!

(Перевод с английского издания "Единственный и его достояние", М. Штирнер).

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА:

ВОЗРАЖЕНИЕ НА ВОЗРАЖЕНИЕ

В 19-ом номере "Волны", в статье "Ответ на возражение", тов. В. в первых строках заявляет, что целью его предыдущей статьи было просто желание "расколыхать заснувшую мысль, вызвать оживленный обмен мнений", т. е. желание поболтать "по-соседски", да и опять на-боковую. Как никак, но "желание" исполнилось и вызвало не только "обмен мнений", но и искреннее желание разобрать детально и выяснить наше отношение к диктатуре, или, как слащаво окрестил и подносит нам ту же пилюлю тов. В., к "Организованному насилию". Тов. В., как видно, совсем не ожидал, что будут критиковать не слог и стиль его статьи, а его превратное понимание революции и несостоятельность мысли, и даже не пробует защищать свои первоначальные взгляды, а, жонглируя с словом "насилие", приходит к тому, что "организованное насилие"—это проведение "революционного насилия над

насильниками, экспроприации экспроприаторов", (стр. 24), т. е., что выстрелено было им холостым зарядом, (для сенсации, что-ли?), что ничего и не думал он сказать нам нового, что "организация насилия", вопреки всех понятий русского языка, для него то же, что и революция, "всеобщее вооружение всего восставшего народа" и т. п.

Туманность "философии", терминов и излишняя "говорливость", прикрывание большими цитатами из всех теоретиков анархизма недостатка собственной живой мысли, — все это лишь отдалает выяснение поставленного вопроса, да и показывает шаткость, неустойчивость "принципов" тов. В., отсутствие "желания" истины.

Казалось бы, что нечего и возражать более, раз тов. В. (неожиданно для самого себя) пришел к тем же выводам, которые высказывались анархистами и раньше о диктатуре

или "организованном насилии", т. е. нашем отрицательном к ним отношении, но неопределенность терминов вводит в заблуждение и поэтому я скажу еще несколько слов по поводу затронутой темы.

Мысли об организации насилия меньшинством над большинством, или, как говорил в своей первой статье тов. В.: "Диктатура, основанная на началах добровольного согласия и равенства среди восставших, организация насилия и принуждения над всеми и для всех противников анархии и коммунизма" и "организация насилия на основе добровольной спайки из-внутри для проявления извне" и т. п. — отсутствуют во второй статье, или же до такой степени завалены словоизвержением, что до них и не докопаться.

Сравнение направления и выражений обеих статей докажут справедливость моего утверждения.

Добровольного соглашения в среде партии насилия не существует, а обыкновенно они основываются на насилии, дисциплине и подчинении, и добровольное соглашение, как понимают его анархисты, возможно только в "партии" или обществе, где нет насилия "ни внутри, ни вне"; насилием нельзя восстановить, или возбудить добровольного согласия. Для того, чтобы устроиться по добровольному согласию, надо уничтожить всякое насилие, надо оказать активное ему сопротивление. Это и есть путь анархистов: посредством неизбежного акта активного сопротивления насильникам устранить насилие. "Действие вызывает противодействие", — так и самый акт Социальной Революции есть ничто иное, как противодействие (противление), вызванное действием (насилием).

Если мы употребляем силу меча и мышц в своем сопротивлении, то это никоим образом не может называться насилием.

Своей пропагандой и созданием союзов мы помогаем приближению и наиболее успешному проведению революции, мы хотим и думаем провести ее как можно быстрее, как можно полнее. Я совсем не имел в виду "разумности

стихийности", как почему-то вздумалось тов. В., но я говорю, что, помимо наших хотений и каких-либо партийных начертаний, революция по заказу не делается. Она возникает неожиданно, и распространяется по стране быстрее, нежели какие-либо партийные постановления; она делается массой, безформенной массой — народом, который, как волна, катится без удержу вперед; пока его энергия не истощится и не наступит естественная реакция. Равнодействующая двух сил: революционного прогресса и следующего за ним реакционного регресса, — определяет завоевания революции. В среде народа, вместе с народом, помогая ему и побуждая его к более смелым действиям, к полнейшему разрушению старых устоев общества и резкому переходу и установлению свободных отношений — новых форм жизни, — мы можем надеяться осуществить наш идеал свободного общества, но не посредством партии вне масс, вне народа.

Наша подготовленность, наше соглашение и организованность (но не организация насилия) будут существенным фактором революции, — вот что думает П. Кропоткин словами: "следуя начерченной нами программе, приступим к делу", в приведенной тов. В. цитате внизу 22-ой стр., 19-го номера; и это бы стало ясно, тов. В., если бы он потрудился прочесть хоть строк десять до цитаты. "Мы должны организовать для самозащиты" — говорит вслед за цитатой П. Кропоткин. Добровольное соглашение при программе, допустимо только для тех, кто заранее признали таковую, но не будем же мы навязывать свою программу, как политические партии, ловко предлагающие свои услуги "организаторов и спасителей" и программки минимум и максимум волнующемуся народу, а затем принуждать к ее выполнению, да и плохим лекарством, от "стихийности" беспрограммного большинства окажутся наши партийные программы, как показала русская революция. Мы не можем убить в народе веками привитых предрассудков; но устраняя насилие и неравенство, устраняя все естественные программные и непрограммные, не допуская

чего бы то ни было верховодства, посредничества, и предоставляя ему самую широкую самостоятельность, помогая делом и советом, — мы уверены, что народ сделает большой шаг к свободе и не остановится на полпути.

Ничто так не ценно в революции, как самоотверженный пример, революционная инициатива, увлекающая массы на геройские подвиги; начало же принуждения, насилия несогласных или непонимающих есть начало диктатуры, начало "революционного" правительства. Мы видим, что, несмотря на захват власти большевиками, благодаря несознательности масс, все их мероприятия (будь они плохи или хороши), все их декреты — лопаются, как мыльные пузыри в приложении к жизни, ибо желания народа и цели не сходятся с целями и желаниями партии у власти. Было бы с нашей стороны медвежьей услугой делать революцию помимо народа и организованным насилием над ним, оправдывая это его будущей пользой. Я искренно доволен понижением "милитаристического" тона тов. В., но нахожу странным заключительные слова в последней статье, где он впадает в противоречие с тоном всей статьи, говоря, что нам нужно "всеобщее

вооружение для проявления организованного насилия (курсив мой, А. К.) там, где это будет нужным, где его применение будет вызываться силою необходимости". Мы считаем необходимым не всеобщее вооружение, а вооружение трудящихся, восставших; и наша настоящая и будущая организация, наша пропаганда, наше действие в революции, борьба и вооружение — все направлено не к организации и проявлению насилия над кем то, а является средством самозащиты, отпора насильникам, ибо мы стремимся к уничтожению насилия во всех его видах.

И потому, какие бы эксперименты ни делали наши идейные противники со своей централизацией и принуждением во имя "Социалистического государства", "Революционного" правительства и других подобных прелестей, — они успеха иметь не могут.

...Только разрушая властный строй и делая экспроприацию богатств народных совместно с восставшим народом, который в самом процессе революции далеко может и опередить наши программы, мы будем следовать верному пути Социальной Революции и завоюем будущее.

А. К.

АНАРХИЗМ НЕ ИНДИВИДУАЛИЗМ

Анархизм не есть индивидуализм. Анархизм признает для всех равноправность существования и самозащиты от чьих бы то ни было экономических и политических посягательств. Анархизм не говорит: я выше всех, он говорит: я равен каждому, но ни отдельной личности, ни многим я не подчинюсь, я хозяин своих поступков. Анархизм не есть отрицание общества, не есть отрицание организации, солидарности; он призывает к до-

бровольной солидарности и считает освобождение человечества возможным только при условии освобождения личности. Путем организации свободных личностей, добровольно вкладывающих свой труд в общественное, оно же и личное, дело, человечество может проявить наивысшую сумму энергии и достигнуть наибольших результатов в приспособлении природы для своих целей.

"Х. и В."

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ:

ПРОТЕСТ И ПРИЗЫВ

Мы, нижеподписавшиеся, после нашего заточения в американских тюрьмах, были депортированы в страну, где мы родились,—в Россию. По приказу "революционного" большевистского правительства, через его представителя, г-на Жука, нас не выпустили в Россию, в виду того, что мы—анархисты.

После месяцев страданий в Данцинге, четверо из нас разбрелись по разным странам Европы, а двое были привезены назад пароходной компанией и снова находятся в когтях американского правительства.

То, что случилось с нами, так ясно и понятно, что даже сомневающиеся "про-большевистские анархисты", не могут более сомневаться в том, что скрывается под именем "революционного" правительства, т. е. что правительство есть правительство.

Во время нашего путешествия выяснилось много разных важных случаев: отношение большевистского правительства к погребению Кропоткина, аресты и заключение 450-ти делегатов — анархистов на Анархистическом конгрессе в Харькове, в Декабре 1920 года, протест Анархистов против большевистского террора; избиения в Бутырской тюрьме — все это достаточно и ясно показывает чем в действительности является "революционное" большевистское правительство.

Но как удивлены были мы, узнав, что эти факты не были достаточно сильны, чтобы убедить про-большевистскую, анархическую еженедельную газету "Фрине Арбейтр Штимме" (Голос Свободных Рабочих) в ее ошибочном направлении.

Кроме того, она не только не сознается в своем заблуждении, но старалась подавить и прикрыть те части сообщения об Анархической конференции Федерации "Набата", где ясно выражено их отрицательное отношение к большевистскому правительству, подавила факт об

аресте 450-и делегатов на Анархистском конгрессе в Харькове, и подавила наше (6 товарищей, которых не выпустили в Россию) открытое письмо Ленину, требующее от него публичного обвинения против нас, а также и другие случаи нашего опыта (поместив лишь часть письма с примечанием—месяцы после того, как она знала о происшедшем). Она поместила передовицу относительно Кроштадского восстания, извращая его к стыду газеты, претендующей на звание анархической; а недавно поместила письмо об избиении в Бутырской тюрьме с следующим характерным и постыдным заявлением:

"В русской ежедневной прессе появилось небольшое известие о том, что большевистское правительство приказало произвести расследование по поводу избиений в Бутырках в ночь с 25-го на 26-ое апреля. Будем надеяться, что расследование будет произведено основательно и будет сделан конец преследованиям политических преступников, хотя бы в тюрьмах, где, наверное, они не могут быть более вредны и опасны".

Если этого не довольно, то позвольте нам заявить, что эта газета печатает новости и письма от и об коммунистическом движении, как и всякий орган коммунистической партии.

В то же время она печатает призыв к Интернациональному Анархическому Конгрессу с "передовицей" и готовится сама принять участие, как анархическая. Мы видим также, что эта газета не держится последовательного анархического взгляда на злободневные вопросы в этой стране, боясь правительственной цензуры (факт тот, что все органы анархического движения на других языках существуют конспиративно, а "Ф. А. Ш." выходит открыто.)

Все эти факты должны быть достаточно

убедительными для анархического движения всего мира в том смысле, что "Фрейе Арбейтер Штимме", претендующий на звание представителя Еврейского Анархического движения в Америке, стоит открыто осужденный, как компрометирующий и изменяющий идею Анархии и тактике анархического движения.

Так долго, пока группы, которые ответственны за такое направление газеты не поймут весь тот вред, который наносится таким образом анархическому движению (Старейшая еврейская анархическая газета "Дер Арбейтер Фрайнд" была настолько честна, что открыто заявила почему она переменила дружественное отношение к большевизму), мы считаем, что было бы величайшим оскорблением допу-

стить, чтобы представитель такого движения был допущен на Интернациональный Анархический Конгресс.

Поэтому мы обращаемся к анархическому движению всего мира с призывом обратить внимание на указанные нами факты и недопустить позорного явления.

С анархистическим приветом

Мейр Л. Ниринг

Александр Кришталь

Июля 25-го, 1921-го

Эллис Айланд, Нью Йорк.

А. С. Мы просим анархическую прессу перепечатать этот Протест.

—0—

....От Ред. Колл. "Волны: Получив эту корреспонденцию редакция была в недоумении, почему такого рода протест не направлен прямо в редакцию газеты, "Фрейе Арбейтер Штимме", но зная хорошо товарищей Ниринга и Криштала, мы надеемся что высказанные ими

мысли и протест обратят внимание еврейских товарищей и поведут к выяснению их заявлений, а также и характера и направления газеты "Ф. А. Ш.", о котором, к сожалению, Ред. Колл. судить не может, будучи в целом составе своем незнакомой с еврейским языком.

—0—

ОТЧЕТЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ.

Отчет комиссии по вытнению федеративных средств, "2019.00"

Приход:

14 Нояб. 1919 г. в кассе было 3400.00

Позднее поступили залогои возвращенные с процентами — 2019.00

От Бел-на получено — — — 93.64

Всего имелось в кассе — 5512.64

Всего расходу — — — 3534.50

Остаток в кассе. — — — 1978.14

Расход:

Выдано Куш—еву на литературу 97.00

" Куш—ву на литературу — 10.00

" Ород—му — — — 131.00

" на помещение — — — 5.00

" по делу Ст. и Крав. — 100.00

" Ст. и Крав. — — — 10.00

" по делу Петр—ко — — — 30.50

" Амер. группе — — — 200.00

Поездка адвоката в Пе—ер — 25.00

По делу Роз—го — — — 35.00

Пис—ву уплачено — — — 100.00

Богд—ву — — — 50.00

Бел—ну — — — 100.00

Рад—ку — — — 100.00

Лавр—му за набор — — — 45.00

Выдано Мур—ко на литер. — 250.00

" " — — — 400.00

" " — — — 500.00

" " — — — 250.00

Уплачен подложный перевод — 25.00

За пересылку литературы — — 10.00

Выдано Бел—ну — — — 150.00

" Бер—е — — — 50.00

" Баб—чу на литер. — — 300.00

" Мур—ко — — — 85.00

" Белну — — — — —	20.00
" " — — — — —	50.00
Выдано Буд—ному — — —	25.00
" новой федерации — — —	331.00
" Амер. группе — — — — —	50.00
Итого — — —	3534.50

От Ред. Колл.: Оставшиеся средства были уплачены за работу адвоката по распоряжению Об'единенного Комитета по Защите. В виду скверного ведения книг и отсутствия многих тов.ей не было никакой возможности установить на что употреблялись многие из выданных сумм.

Отчет федер. кас. от 20 июля по 1 авг.

Приход по выручке "В."

От А. К. г. Ви—на за "В." —	1.50
" " Дет—та " — —	33.00
" " Дет—та за "Св. Общ." —	30.00
" " Бал—ре "В." № 16 и "Св. Общ." № 4 — —	22.50
" " Гат—д " " № 17 —	9.00
" " Че—ра " " № 17 —	15.00
" " Брж—т " " — —	6.30
" " Брж—т " " "К. А." —	2.45
" " Че—ра "В." № 18 — —	8.25
" " Н.—И. " " № 18 —	20.25
" " Н.—И "Св. Общ." — —	18.15
" " Нев—ка "В." № 18 —	4.00
" " Гр—рт " №18 — — —	3.00
" " Мед—н — — — — —	3.60
" " Гат—д — — — — —	10.80
" " Универ—л — — — — —	109.35
" " Брм—лд — — — — —	15.45
" " Елиз—т № 16 — — —	14.10
" " " " № 17 — — —	10.50
" " " " "К. А." — — —	10.50
" " Н. И. "В." № 18 — —	2.25
" " " " № 19 — —	20.65
" тов. из г. Чельсы подпис. "В." —	4.00
Итого — — —	374.60

ФОНД "В."

Из г. Вил—и от тов. К. Л. —	1.00
" " М. Салазко — — —	1.00
" " Ф. Киздрап — — —	1.00
" " И. Валакиль — — —	1.00
" Дет—т от А. К. грп. — —	9.00
" от тов. А. И. К. — — —	3.00
" Роч—р от грп. — — — —	17.00
" Дет—т от тов. Со—я Мар—ч	5.00
" " А. К. грп. — — —	5.00
" " от тов. М. З. Б. — —	.50
" " от проф. с. — — —	75.00
" " от тов. Блек — — —	5.00
" Бал—ре от грп. — — — —	50.00
" Торто Ка—да от А. К. грп.	175.00

348.50

Расход по изданию "В." № 19-го.

Экспресс за доставку "В." № 18	2.30
Разсылка "В." — — — —	4.27
Почт. расходы секр. — — —	8.85
Экспресс за доставку "Св. Общ." —	2.45
Перевоз "В." — — — — —	.25
Проезд Редакт. на конф. — —	7.00
Расход Редакт. — — — — —	125.00
Разсылка "Обмена" 18го и 19го и почт. расх. Ред. — —	7.00
Трамвайный расход — — —	1.00
Наборщ. и машины на № 19-й	85.00
Печатанье — — — — —	100.00
Перевозка метала — — — —	1.00
Проезд Редакт. — — — — —	7.00
Упаковка "В." — — — — —	1.50
Резолюции конфер. — — — —	9.50
Экспресс за доставку "В." № 19	1.90
Разсылка резолюций — — —	.60
Два чемодана — — — — —	2.00
Разсылка "В." — — — — —	2.18
Итого — — —	368.80

Литературный приход.

От А. К. г.г. Роч—р выручка —	43.00
" " Дет-т фонд на изд. бр.	100.00
" " Че—р фонд — — —	7.00
" " Бал—ре выруч. за "Р. Б."	62.00

Почтовые расходы тов. У. — — .70
Итого — — — — — 79.73
Остается на Июль — — — — 9.33

Ревизионная комиссия А. И. К.

— 0 —

ОТЧЕТ СЕКРЕТАРЯ РАЙОНА Д., В-а.
с 1-го мая по 28ое июля 1921го года.

Приход:

С пикников, 1-го, 2го и 3го — 209.63
Добровольно пожертвов. на "В." 28.50
Итого — — — — 238.13

Расход:

Упложено за "В." — — — — 50.00
" "Умирающее Об. и Ан." 15.00

Итого — — — — 65.00

Всего осталось в кассе — — — 173.13

— 0 —

Отчет "Революционного фонда" Канады
От 15го апреля по 15 июля 1921 года.

Приход:

Осталось в кассе за март — — — 326.86
Из Вильны за лит. — — — 82.70

— 0 —

ЗАЯВЛЕНИЯ РЕД. КОЛЛ.

..1) В прошлом номере по ошибке в книжный каталог попала книга: "Поля, фабрики и мастерские" — П. Кропоткина. В Ред. Колл. таковой не имеется.

2) Рекомендуются к изданию следующие книги:

- 1) Поля, фабрики и мастерские. П. Кропоткина.
- 2) Анархизм и Русская Революция. (Доклады и заключения с'езда Коммунистов-Анархистов 1906-го года). — Под редакцией П. Кропоткина.
- 3) Записки революционера. П. Кропоткина.
- 4) Задачи Социальной Революции. — Б.
- 5) Доктрины Марксизма. — Черкезова.
- 6) Единственный и его достояние. — М.

От лит. Агента гор. Торонто — 80.00
За разную литер. разновременно 5.85
За Эльзбахера и Взаим. Помощь 4.75
Из Юроко Палс за лит. — — 30.00

Всего — — — 530.16

Расход:

Изд. Своб. Об. № 4. — — — 185.00
Позаимствовано тов. Д. — — — 62.00
Расх. по перепр. и разс. 'Св. Об.' 42.00
" " — — — — 4.67
" " — — — — .70
" " — — — — 2.60
" " — — — — 6.70

Комната для собран. — — — 5.00
В "Америк. Известия" — — — 25.00
Почтовые расходы — — — 1.95

Всего — — — 335.62

Приход — — — 530.16

Расход — — — 335.62

В кассе — — — 194.54

Рев. Ком. И. М. Г. Д.
Кассир Т. Д.

Штирнера.

7) Великая Французская Революция.

8) Анархизм. — Цоколи.

9) Альманах. — Сборник Анархического движения в России.

Ред. Колл. за неимением средств не может приступить к изданию каких либо книг и потому обращается ко всем районам и группам по силе возможности помочь изданию намеченных книг, или же самим начать издание таковых. Просим сообщать об издающихся книгах в Ред. Колл., дабы избежать издания одной и той же книги в нескольких местах.

3) Согласно рекомендации Детройтского района и Конференции 26-го июня, приступлено к изданию брошюры протеста против преследований анархистов в России. Просим всех сочувствующих изданию поспешить с присыл-

кой средств.

4) Еще раз обращаемся ко всем товарищам, писать корреспонденции о всем, что происходит на местах. В журнале будет особый отдел корреспонденций. Также просим не посылать ежемесячных отчетов с излишними подробностями. Не нужно занимать так много места грошовыми делами, а лучше оставить место на просветительный материал. Раз в три месяца, или раз в полгода — возможно будет до-

статочным. (Это — просьба и рекомендация; и если невозможно так устроиться, — отчеты будут помещаться ежемесячно).

5) Продолжение статьи, "Возражения Анархизму" — Дж. Баррета, не могло быть помещено в виду временной невозможности достать материал. Будет продолжена в следующем номере.

Ред. Колл.